

— Ло ко мне стал относиться на пять процентов лучше.

Хуан, уже не в силах это выносить, отозвался:

— С момента пробуждения вы повторили это в своем ментальном поле уже сто восемнадцать раз.

— Он не сбросил меня с кровати, он даже позволил мне обнимать его во сне, — Лу Цычуань проигнорировал ворчание Хуана и продолжил рассуждать сам с собой.

Звуки птичьего щебета и стрекота насекомых, встретившие его при пробуждении, до сих пор отдавались в ушах. Он крепко обнимал Ло, и даже сквозь тонкую ткань одежды чувствовал его тепло. Все это казалось прекрасным сном.

— Позвольте напомнить, средний показатель симпатии, который Ло испытывает к представителям расы насекомых, составляет всего двадцать процентов. Вы еще не достигли даже этого уровня, — Хуан безжалостно окатил его холодной водой. — У него умеренная склонность к мизантропии и самоуничижению, а его заветное желание — погибнуть на поле боя.

— С таким характером, живя в этом мире, он, конечно, будет разочарован в жизни, — взгляд Лу Цычуаня внезапно потеплел. — Для любого генерала смерть на поле боя — высшее стремление, защитить покой своих земель — это наша судьба с самого рождения.

Лу Цычуань понимал: Хуан хотел сказать, что даже если однажды Ло полюбит его, это не избавит генерала от всех страданий. Ло нуждался не только в равной любви от самца, но и в любви этого мира, а также в способности самому этот мир полюбить. Все это требовало долгого планирования и постепенных шагов.

Поскольку Ло был рабом-самцом, он не мог обедать за одним столом с Лу Цычуанем. Лу Цычуань собирался навестить его после трапезы, чтобы тот не скучал в одиночестве в огромном доме, но дворецкий Альберт внезапно доложил о визите четвертого принца, Лу Цинъяня.

Лу Цычуань приподнял бровь:

— Проси его войти.

Четвертый принц Лу Цинъянь, самец А-класса, родной младший брат Лу Цычуаня, был двуличным тигром в овечьей шкуре. Даже Эбур, этот злобный суб-самец, был когда-то вырван оригинальным владельцем тела из рук Лу Цинъяня. Тот, полагаясь на безграничную любовь императора и императрицы, считал, что полностью держит Лу Цинъяня под контролем. Наверняка он до самой смерти не подозревал, что руки, которые шаг за шагом толкали его в бездну, принадлежали именно этому послушному младшему брату.

— Брат... Отец раньше не разрешал мне беспокоить тебя, чтобы ты мог спокойно восстановиться после ранений. Я услышал, что тебе стало лучше, и решил навестить.

Лу Цинъянь обладал мягкими чертами лица, выглядел как сдержанный и кроткий юноша, а его улыбка была такой нежной, что казалась воплощением чистоты и бесконфликтности. Даже Лу Цычуань, глядя на него со стороны, с трудом верил, что за столь безмятежной внешностью скрывается настолько ядовитое сердце, способное ненавидеть его до такой степени, чтобы стереть в порошок.

Если разобраться, виноваты в этом были Лу Нин и Альвин. Они чувствовали свою вину перед Лу Цычуанем и потакали ему во всем, отдавая девяносто процентов своей любви, в то время как остальным трем детям доставались лишь жалкие десять. Из-за низкого генетического уровня Лу Цычуаня его особенно раздражал этот талантливый младший брат с врожденным А-классом. Поэтому он постоянно шел наперекор Лу Цинъяню: даже если игрушки были одинаковыми, ему требовалась именно та, что была в руках у брата.

Притеснения стали обычным делом, и самцы постоянно дрались. Но Лу Нин всегда беспокоился только о ранах Лу Цычуаня, обнимал его, называл малышом и дул на ссадины, приговаривая, что боль скоро улетит. Император же неизменно мягко, но властно говорил Лу Цинъяню: Будь умницей, уступай старшему брату.

Лу Цинъянь ненавидел эти слова, а еще больше — родителей. Раз они не могли любить всех одинаково, зачем было его рожать? Может, они и были в долгу перед Лу Цычуанем, но он-то им ничего не должен!

Лу Нин требовал от него уступок, и Лу Цинъянь довел эту стратегию до совершенства: стоило ему притвориться, что он что-то хочет, как Лу Цычуань тут же отбирал это у него. В конце концов, Лу Цычуань перестал терпеть даже малейший интерес брата к своим вещам.

Сегодня Лу Цинъянь пришел именно за этим. Он моргнул, крепко ухватился за рукав Лу Цычуаня и взмолился:

— Брат, я знаю, что эти слова тебя разозлят, но господин Клан так долго просил меня об этом, я просто не смог отказать... Можешь отдать мне Ло? Я компенсирую тебе это десятью рабами-самцами! Или даже двадцатью!

Отец Ло пошел к Лу Цинъяню... Лу Цычуань приподнял бровь, не особо удивившись. В конце концов, Лу Цинъянь был известен на всей планете как лучший из самцов — вежливый, обходительный и лишенный типичных для их рода высокомерных привычек.